

Секция 5

Город: практики, связи, эмоции

Модератор: Елена Германовна Трубина (Екатеринбург, Россия)

Дискутант: Илья Владимирович Утехин (С.-Петербург, Россия)

Часть 1. Городская локальность в текстах и дискурсах

1. Бочаров Алексей Владимирович (Томск, Россия). Дискурсивный анализ тематики переноса столицы России в Сибирь в интернет-СМИ.

Смирнов С.А. (Новосибирск): Скажите, пожалуйста, роясь в этом интернет-материале, Вы критерии «столичности» задаете для себя? И какими глазами Вы на нее смотрите? Это первый вопрос. И второй – Вы с одной стороны Москву имеете в виду как город и с другой стороны – Сибирь как регион. Так про какой город в Сибири Вы говорите, поскольку там идет реальная конкуренция между Томском, Красноярском, Новосибирском?

Бочаров А.В.: Как я уже сказал в самом начале, предметом моего исследования является интертекстуальность сама по себе. Критерии «столичности», когда я роюсь в интернете, задаю не я, а те пользователи, которые высказываются о столице (новой или старой). Когда я исследую явление взаимодействия интертекстуальности и идентичности, мне не важно, о каком конкретном городе идет речь, мне важно, что люди хотят перенести из старой столицы в новое место.

Смирнов С.А.: Вы так утоните, коллега! Ну, ладно...

Бочаров А.В.: Вот, для того, чтобы не утонуть, я и разработал инфографические инструменты. Тематика переноса столицы скорее является средством демонстрации тех моделей дискурсивного анализа, чем целью их применения. По поводу конкуренции городов – Томск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск – есть исследования, которые бы мне не хотелось повторять, например, пермские ученые.

Утехин И.В.: Вопрос уточняющий: Вы действительно «руками» это делали, или есть какая-то компьютерная программа, специально для этого написанная?

Бочаров А.В.: Это делал не я один, это в течение нескольких лет на практиках по контент-анализу и инфографике группы студентов выполняли практические задания и собирали материал.

2. Гонина Наталья Владимировна (Красноярск, Россия). «Планета Норильск» и «материк»: особенности городской идентичности (на материалах интервью и опубликованных воспоминаний).

Утехин И.В.: Вы говорили о том, что у них есть уникальное самосознание. На чем строится этот вывод? Ведь есть другие моногорода за полярным кругом, в которых существуют такие же идеи цикличности, что человек туда приезжает, некоторое время работает, возвращается на «большую землю». Вы как-то пробовали сопоставить норильчан и жителей других полярных городов?

Гонина Н.В.: Да, я пробовала сопоставить публикации в целом по локальности и смотрела конкретно Север (Салехард, Мурманск, и др.). Получается, что особенность Норильска в том, что они на первое место ставят социальные отношения и культура, а в других городах приоритет идет на производство. Если культура и развивается, то она более простая, а в Норильске произведения создаются достаточно высокого уровня, просто они за пределы Норильска не выходят. Второй момент, что они себя сами считают исключительными, а не я их таковыми называю. Они себя позиционируют столицей Заполярья всего, всего Севера. Они считают, что освоение Севера должно продолжаться дальше. Если для Мурманска, Уренгоя, других есть момент окончания, т.е. финансирование производства прекратилось, то дальше теряется смысл, т.к. у них главное – зарабатывать. То для норильчан смысл не заканчивается. Есть смысл взаимодействовать с природой, созиданием человеком новых форм труда на Севере, его освоения. Конечно, сама я в Мурманске не была, читала только материал, возможно, если бы я туда сама съездила, были бы какие-то другие выводы.

Дериглазова Л.В. (Томск): Есть ли у Вас объяснение, почему связь с Москвой и Петербургом намного сильнее, чем с Красноярском, например?

Гонина Н.В.: Дело в том, что изначально в Норильске многое было сделано ленинградцами, их было очень много в городе. Многие из Норильска, когда выбирают место жительства, выбирают именно Ленинград. Для них Ленинград – культурный центр, такой вариант *alma mater*, первоисточник. Архитектура Норильска напоминает Ленинград. У них есть проспект Ленинский, но не в честь Ленина, а к Ленинграду относится. Поэтому они чувствуют эту постоянную связь. Тем более, комбинат тоже оттуда приехал, вузовские центры оттуда, преподаватели, ученые приезжали, читали лекции. Связь прямая и теснейшая, Ленинград можно увидеть конкретно в архитектуре, когда идешь по улицам, в библиотеке огромное количество текстов, в людях, которые конкретно рассказывают, что они приехали из Ленинграда.

3. Ковальская Светлана Ивановна (Астана, Казахстан). Визуальное пространство Астаны и формирование новой идентичности.

Утехин И.В.: Вы упомянули, что вот теперь, кажется уже окончательно [утвердили название города - Астана]. И с историей у вас там все не просто. Почему Вы думаете, что сейчас окончательно?

Ковальская С.И.: Нет, я как раз-таки не сказала, что окончательно, потому что у нас периодически возникают разного рода идеи о переименовании и страны, как вы знаете и слышали, наверное, посредством массовой информации, и самой столицы. Варианты разные предлагают. Т.е. мы в процессе формирования и активного участия.

Миськова Е.В. (Москва): Скажите, пожалуйста, история «ухода» от могилы, который так и не получился, это Вы исследовали и сделали выводы или это какая-то городская легенда?

Ковальская С.И.: Нет, это не просто легенда, есть очень хорошее академическое издание «Ислам на краю света»: наши тюменские коллеги издали сборник документов, где один из разделов посвящен астане как священным местам, где захоронены лидеры суфийских общин, в Западной и Восточной Сибири.

Вопрос: Есть ли какое-то визуальное противостояние советскому прошлому и выраженное негативное отношение к современной России?

Ковальская С.И.: Слава богу, нет, конечно. На уровне каких-то отношений, оценок, конечно, последние события, связанные с Украиной и Крымом, они осложнили. Но на уровне репрезентативном... Видите, у нас никогда и не было таких памятников, это не Ташкент, где один постамент, на котором все этнические лидеры отражены. У нас такого не было и надеюсь, что не будет.

Вопрос: Используют ли жители в повседневной жизни какие-то символы? Например, какие-то наклейки на машинах и т.п.

Ковальская С.И.: Безусловно. Очень популярны и флаги, и вообще практически вся бытовая материальная культура очерчена символами. Тут не возможно было все показать. Конечно, существует возвращение в контекст нашей современной идентичности всего традиционного: юрта, кашма, быс (?), узоры национальные (геометрические, космогонические). Это все очень популярно, используется в одежде, украшениях, повсюду.

4. Колодиев Николай Николаевич (С.-Петербург, Россия). Границы среднего класса в представлении российских СМИ.

Малинова О.Ю. (Москва): Я бы хотела прокомментировать данный доклад, исходя из исследования, которое делала сама. Дело в том, что я делала параллельную вещь: исследовала экспертный дискурс. Мне кажется, у меня есть другое объяснение тех пиков, всплесков интереса к среднему классу, которые Вы зафиксировали. 2008 и 2012 годы – это не просто президентские выборы, не случайно вся эта тема начинает раскручиваться в 2007 году. Я напомним, что в 2007 году Путин поставил задачу, в контексте «Программы 2020», о которой все здесь уже немного позабыли, что к 2020 году у нас средний класс должен составлять 60% от общего числа населения. Это было проартикулировано, соответственно появилась необходимость экспертной проработки вопроса, были выделены деньги, начались исследования. Эксперты на первых порах были весьма скептически, они говорили скорее, что средний класс надо «вырастить», создать, и как это сделать. Но 2008 год – это кризис, и в условиях кризиса, когда начинает меняться государственная политика, возник целый ряд политических акторов, включая часть экспертного сообщества, которые начали говорить: «Как же так, надо спасать средний класс!». Процесс продолжался, и 2012 год – это визуализация среднего класса в протестном движении. Я разделяю все эти мифы, они присутствуют в экспертном дискурсе тоже.

Колодиев Н.Н.: Я должен сказать, что 2007-2008 годы – это как раз подготовка к президентским выборам, когда готовился проект «наследника», «приемника», поэтому исследования заказывали как оппозиционеры, так и провластные структуры. Самый скандальный опрос провел «Левада-центр» по заказу какой-то европейской структуры, которая оплатила это исследование. Главным выводом этого исследования было то, что 60% российского среднего класса желает эмигрировать. Этот вопрос потом был прямо задан в прямом эфире президенту Медведеву, когда он собирался ехать в Японию на саммит. После этого власть сделала все, чтобы дезавуировать эти результаты, заказала свои исследования. Получается, что несуществующий мифический средний класс становится инструментом политической борьбы, а опросные фирмы и те структуры, которые якобы являются социологическими и якобы проводят какие-то научные исследования, на самом деле являются шарлатанами и исполнителями заказных акций. За что им заплатили, то и будет: заплатили одни – будет средний класс, заплатили другие – не будет. Кстати, «Левада-центр» потом заявил, что его просто неправильно поняли, но при этом на сайте этого центра опубликовано два документа: первый, в котором они говорят, что такого исследования не проводили, средний класс вообще не опрашивали и выводы по эмиграции не делали, и тут же опубликован результат в виде слайдов, на которых черным по белому написано «Эмиграция среднего класса»: причины, почему дети желают эмигрировать. Это

пример скандальности, спекулятивности и как раз того, что «средний класс» - это есть неопределенное понятие, и оно в таком качестве выгодно политикам, журналистам, потому что они с помощью этих вещей могут манипулировать общественным мнением, волей избирателей и т.д.

Вопрос: Есть ли какие-то критерии в определении реальности среднего класса?

Колодиев Н.Н.: Я думаю, что это подобно тому, что у Макса Вебера была концепция идеальной бюрократии. Есть такое понятие как «абсолютное» что-то или «чистая» вещь («чистая идея»). Вот, как научный концепт, как научная абстракция средний класс существует. Но как только появился «нюх», появилось желание найти прикладной характер, эту идею преобразовали в интересах маркетологов, заказчиков и т.д. Вообще, это долгая история. Дело в том, что каждый исследователь, в зависимости от того, чьи интересы он выдвигает, отстаивает, он предлагает разные границы. Если вы обратитесь, например, к пингвиновскому словарю, там сказано, что главный критерий выделения среднего класса – занятие умственным трудом. А здесь мы видели на слайдах, что главное это доход, потому что у этих людей образ жизни, соответственно, определенный – «Покупай! Покупай! Покупай!».

5. Скалабан Ирина Анатольевна (Новосибирск, Россия). «Чувство места» как фактор участия.

Утехин И.В.: Интересна идея, что Вы сравниваете поколения, когда строите какие-то сравнительные перспективы, а также используете ментальные карты [...]

Скалабан И.А.: Да, у нас есть исследование, когда мы пытались делать индивидуальные карты по локальным сообществам города, и сейчас пробуем смотреть районы, но там не совсем все просто получается, пока что мы в процессе осмысления.

6. Трубина Елена Германовна (Екатеринбург, Россия). Город между географией и антропологией: масштабы, места и практики.

Вопросы не слышно.

Ответы:

1. Вот, очень интересно, ты говоришь: «Зачем тебе шкала, когда есть метафора и метонимия?». А я могу тебе этот вопрос вернуть и сказать, что твои метафора и метонимия это то же, что для меня шкала, с возможностями этого понятия – намерения знакомства (?) с географическими текстами. Я с ними познакомилась, они показались мне весьма привлекательными.

Давайте сделаем поправку на то, что не все, что я собрала, я смогла представить. С другой стороны, мне кажется, что понятие шкалы помогает как раз осмыслить переход, точнее отсутствие рефлексии по поводу немедленного окружения, перенос рефлексии (?) с любой мыслительной работы в контекст территории, ее расширения, всего политико-идеологического антуража, который расширение территории сопровождает. Как если бы тебя не было, а была бы только территория, к которой ты воображаемым образом принадлежишь.

Часть 2. Разнообразие городского опыта

1. Богомаз Сергей Александрович (Томск, Россия). Личностно-обусловленная оценка городской среды вузовской молодежью Сибири.

Утехин И.В.: Вы говорите, что [...] городская среда имеет какое-то отношение к тому, что вы получили эти результаты в разных городах, но из Ваших слов получается, что Вы приписываете причинные связи между устройством городской среды и теми результатами, которые Вы получили. Поясните, пожалуйста.

Богомаз С.А.: На самом деле, опять повторюсь, что фокус исследования был сведен к тому, что нас интересовало в первую очередь, как личностные особенности обуславливаются предметом (?) городской среды. Но поскольку это исследование проводилось в разных городах, и мы знаем их социокультурные условия, то вполне логично, что можно получить материал и о влиянии городской среды. Я хотел показать слайд, на примере Томска и Барнаула, когда слово «самодетерминация» как личностное качество, например, по Томску оно связано с восприятием характеристик города таких, которые связаны с карьерой и профессиональным ростом. А для Барнаула эта связь выражается в характеристиках «быть любимым», «жить полной жизнью», т.е. связано больше с эмоциональной жизнью молодежи.

Вопрос: Какие были критерии выбора городов?

Богомаз С.А.: Выбор связан с моими личными возможностями. Там где у меня есть хорошие партнеры, которые могут выступать в качестве исследователей, те участвовали. Сейчас готовится второй виток этого исследования, уже подключилась Москва, Калининград, ведутся переговоры с Севастополем. Если у кого-то есть желание подключиться к этому проекту, буду только рад. Есть четкий алгоритм работы, комплект методик, есть понимание, что мы работаем с понятием средовой идентичности.

Бочаров А.В.: Поясните, пожалуйста, почему Вы не посчитали нужным использовать дополнительно к своему исследованию краткий опросник с прямыми вопросами?

Богомаз С.А.: Спасибо, мы эту свою оплошность реально понимаем, и на втором витке уже вводим прямые вопросы. Мы не ожидали, что будем задавать прямые вопросы и получим адекватные ответы. Я имею опыт работы с такими конструктами как «психические иллюзии», и понимаю, что когда задаешь вопросы, используешь некоторые опросники, люди просто говорят о своей иллюзии.

Вопрос: Т.е. Вы считаете, что семья для молодежи – иллюзия?

Богомаз С.А.: Мы это объясняем через то, что в ситуации сегодняшней России у молодежи на самом деле нет других ценностей, как зацепиться за самые архаичные – любовь и семью.

Возгласы из зала: Что значит архаика? Почему Вы это так называете?

Богомаз С.А.: Это моя позиция. Я считаю, что это архаично. Потому что в их возрасте (а это вузовская молодежь: студенты старших курсов, магистранты, аспиранты, молодые преподаватели) должны быть другие приоритеты. И по Москве они есть. Это профессиональный, карьерный рост.

Из зала: Это у них тоже иллюзия!

Богомаз С.А.: Но она более радует. Если говорить в терминах развития, это иллюзия более высокого порядка, чем иллюзия построить семью, найти любовь и быть предельно счастливым.

2. Григоричев Константин Вадимович (Иркутск, Россия). Между городом и селом: пригород как исследовательское поле.

Утехин И.В.: Вы на таком довольно общем уровне об этом сказали, могли бы Вы сказать чуть-чуть подробнее, применительно к случаю иркутских пригородов, о результатах стихийной субурбанизации. Если мы попробуем сравнить с тем, что нам известно на американском материале, каком-то другом, как соотносятся в отношении получающихся планировочных решений на уровне градостроительства?

Григоричев К.В.: Первый случай с (? название населенного пункта). [...] Их территория задает планировку нового пригорода: криволинейная, полицентричная, безусловно, другое дело, что этот центр меняется, меняется и нагрузка и [...]. А вот периферия, которой прирастают поселения, она уже приобретает более

регулярную планировку. А [...] достаточно быстро начинает меняться, утрачивать свою популярность, потому что кто-то покупает по три смежных участка, а кто-то покупает только один, конфигурации меняются. Сельские администрации вынуждено пытаются вмешиваться с тем, чтобы резервировать пространство под социальную инфраструктуру. Это происходит, прямо скажем, с очень переменным успехом. Есть случаи, по крайней мере, мне два известны, когда несколько тактов отыгрывается здесь, пока резервировалось пространство, потом оно опять ушло под частную застройку, а потом вернулось в общественное. [...] Исключение – это коттеджные поселки, закрытые, замкнутые, здесь, я считаю, можно говорить об исключенном пространстве.

Трубина Е.Г.: В городах-миллионниках обитатели пригородов подстраивают свой день под автомобильные пробки, соответственно, они позже выезжают на работу и позже с нее уезжают. До какой степени Иркутск задет этой проблемой?

Григоричев К.В.: Замечена такая зависимость, это особенность планировки Иркутска: [...], во-вторых, хорошо заметна сезонная зависимость, когда горожане начинают выезжать на дачи, число пробок на транспортных развязках, примыкающих к выезду из города, растет. А так, хорошо заметно время, когда стоит пробка, простой пример: я сам ее проезжаю каждый день, если выезжать к 8:45 (начало рабочего дня), если я выезжаю в 7:25, то на месте я в 7:55, если я выезжаю в 7:35 (всего на 10 минут позже), то на месте я только ближе к 9 часам. Абсолютно железная зависимость.

Агеев И.А.: В дополнение к предыдущему вопросу: есть ли какая-то зависимость размещения новых заселяемых районов от уже имеющейся инфраструктуры (транспортной, энергетической, социальной и т.п.)?

Григоричев К.В.: Я бы разделили здесь два вида инфраструктуры, которые определяют размещение: если говорить о последней части (привязывают ли к школам, больницам, детским садам), то нет. Это проблема, которая решается в пригородах, условно говоря, в прежней сельской местности, городскими методами, когда появляются новые индивидуальные (?), легальный бизнес по содержанию детей. Привязка по размещению пригородов изначально была ярко выражена по основным транспортным магистралям, второй критерий – это природные условия (наличие нормального источника воды, хотя для Иркутска это не проблема, он изобилует всевозможными водными источниками). Однако по возможностям рекреационным [выбор места размещения], на мой взгляд, не является ключевым фактором, по крайней мере, не является ограничивающим фактором.

3. Кириллов Виктор Михайлович, Олохова Ольга Павловна (Нижний Тагил, Россия). Социальная идентичность жителя социалистического города на Урале в 1930-х гг.

Вопрос (?) не слышно

Олохова О.П.: Да, конечно, для населения соцгородов были и крестьяне, и спец. переселенцы, и заключенные, но в основном, когда я читала воспоминания, то они не выделяли себя в какую-то одну группу, а были все едины, у них была идея строительства новой жизни, они хотели построить для себя все новое.

Смирнов С.А.: Будьте добры, скажите, Вы фотографии представителей той генерации специально подбирали или это случайно получилось?

Олохова О.П.: Подбирала, это частные коллекции.

Смирнов С.А.: Есть такой «фокус» у психологов: в аудиторию приходишь с фотографией, даешь установку: «Напишите портрет известного полярного летчика». Вам отвечают: волевой, сильный. Ту же фотографию приносишь в другую группу, даешь другую установку: «Напишите легенду вора-рецидивиста». Вам соответственно его и распишут. Вы нам сейчас задали установку: представители этого поколения, и за этим мы должны построить легенду. Нет ли здесь капкана для исследователя?

Олохова О.П.: Я никакой подоплеки под этими фотографиями не вижу. Просто хотела показать, как выглядели люди той эпохи.

Смирнов С.А.: Это антропология поколений уже! Я тогда надо отдельно описывать.

Комментарий от Кириллова В.М. [...]

Вопрос: Вы используете только культурные источники? [...] Ведь есть еще огромный пласт – жалобы в органы, записки, письма трудящихся в газеты. Сохранились ли такие данные и рассматриваете ли Вы их?

Олохова О.П.: Я думаю, не надо всегда видеть негатив, я лично позитивный человек. + комментарий Кириллова В.М. [...] Такие источники сохранились.

4. Кирсанова Екатерина Анатольевна (Томск, Россия). «Прирученный стрит-арт»: проблемы легитимизации уличного искусства.

Вопрос: Первый – скажите, пожалуйста, почему Вы принимаете этот термин «граффити», хотя это очевидно не граффити? Второй вопрос (в Вашем докладе

этого не было, но это тоже важно) – есть еще одна практика такого официального освоения стрит-арта, которую тоже, на мой взгляд, имеет смысл рассмотреть, сравнить, это музеификация. Потому что сейчас не только Бенкси модным представляется, но только что в (?) открылся музей стрит-арта, куда свезены реальные граффити с каких-то полузаброшенных ТЭЦ и т.д. в большом количестве.

Кирсанова Е.А.: Отвечаю на первый вопрос. Если говорить о профессиональной сфере, то, понятно, что там так это не произносится. Я говорю о том, что в сознании обывателя, это сформировывают через СМИ как «графффити». Почему это так происходит? Во-первых, потому что первые легальные вещи, которые санкционировались в фестивалях, это была работа с райтерами, это были небольшие формы, поэтому они привыкли к этому термину. Сейчас граница размыта. У нас все теперь в публичном пространстве обозначено этим словом.

Второй вопрос – в ситуации с «Сетью» обратная история, это очень интересно, потому что они используют стратегию нелегального захвата стен. Это вызывает массу скандалов, которые также подогреваются прессой. Они это позиционируют не как заказ из Кремля, а как свою личную поддержку Путину, выстраданную, как глас простого народа. Для них важна именно эта стратегия, а не музеификация.

Вопрос (?)

Кирсанова Е.А.: Я могу сказать, что я хотела начать не с идеологов, а с художников. И я только буквально позавчера всю эту историю отследила, потому что там очень интересно: везде официально произносится имя некоего Степанова. Я пока ему не дозвонилась, на письмо он мне тоже пока не ответил. Любопытно, что ему приписывается авторство всех этих работ, а на самом деле авторство совершенно не его.

Развернулась бурная дискуссия.

Вопрос: Платят ли участники этой «Сети» административные штрафы?

Кирсанова Е.А.: Очень интересный вопрос, потому что Петербурге им не удалось одну стену нарисовать в рамках этого проекта «Спасибо Путину», они тайно переместились, нарисовали на другой стене, в итоге был скандал. Но так как они сделали только какую-то схему, на них был подан не очень большой иск. Мне интересно, как дальше будет эта ситуация развиваться. Но на самом деле, очень как-то бояться подавать на них жалобы. В интервью, например, с жительницей дома, на которой была размещена одна из картин, она сказала: «Мне это очень нравится, [...] но это какая-то другая структура подает в суд, и ничего мы с этим

поделать не можем». Арх. надзор в итоге подал на них в суд, но никакого штрафа выписано не было.

5. Пироговская Мария Михайловна (С.-Петербург, Россия). Публичное пространство и ольфакторный нейтралитет: воспитание чувств в русской городской культуре второй половины XIX века.

Вопрос: Какие Ваши любимые духи?

Пироговская М.М.: Это долго можно перечислять.

Вопрос: Вы смотрели, как распространение (восприятие ?) запахов в культуре трансформировалось в дальнейшем в 20 веке?

Пироговская М.М.: У меня есть большая статья про запах хлорки в советское время. Здесь интересно, что многие личные средства гигиены, например, туалетные воды начинают использоваться для ароматизации пространства. У меня там есть интервью, в котором информант рассказывает, что они добавляли различные дешевые одеколоны в воду для мытья пола, чтобы «забить» запах хлорки, этот официальный «запах чистоты». Было также мощное гендерное разделение, когда для мужчин «Шипр», для женщин «Красная Москва», условно говоря. Но при этом в определенных социальных группах, если от мужчины пахнет одеколоном, это значит, что с ним что-то не то. Т.е. ожидания чистоты от мужчины другие, чем от женщины.

Вопрос: Прослеживали ли Вы восприятие запаха, приемлемого для жителя маленького города или деревни и жителя большого города?

Пироговская М.М.: Прицельно не смотрела, но могу сказать, что материалы каких-то провинциальных, губернских газет, если мы сравниваем с материалом столичных газет, то можно отметить своеобразную скорость социальной мобильности запахов. Т.е. если в столице будут в ходу более слабые, нежные ароматы, то в провинции еще будут пахнуть мускусом, который уже как бы не очень приличен начиная с середины 19 века.

6. Агеев Илья Александрович (Томск, Россия). Локальный и национальный брендинг территории как средство укрепления региональной идентичности: исторический опыт сибирских городов.

Вопрос: Вам не кажется, что происходит некая путаница между «брендингом» как коммерческим действием по капитализации территории (город продается, привлекает инвесторов, чтобы капитализировать территорию) и, с другой стороны,

Вы применили еще как минимум две практики: «освещение места» и «поиск места». А Вы все вместе называете это брендингом.

Агеев И.А.: Что касается визита царевича, это было выгодно. В дореволюционное время данные события не использовались в коммерческих целях и не могли использоваться, это уже удел современности. Информацию о том событии используют в современности для того, чтобы повысить популярность сейчас. Об этом еще одна мысль – наслаивание одних практик в брендинге на другие: например, существует традиция красить сапоги памятнику Кирову.

Вопрос: Вообще имеет смысл задуматься о том, как использовать эти понятия – «брендинг», «память места», с третьей стороны – локального текста. Стоит разобраться, наслаиваются они друг на друга или необходимо найти какое-то совершенно другое новое понятия для описания этих процессов?

Агеев И.А.: Целью данного доклада является демонстрация того, что попытка указать, сделать ярче является примером усиления региональной и национальной идентичности. Т.е. в дореволюционное время царь приехал, [отсюда] «мы заметный город», «мы часть страны». В советское время у нас Куйбышев учился, работал, значит, мы часть страны. Мы сто тысяч своих жителей отправили на фронт, значит, мы часть страны. Это – идентичность, направленная в центр. Но в современности, наоборот, происходит самоидентификация (на слайде) «Я – сибиряк»; я из России, но я из Сибири тоже.

Заключительное слово дискусанта Утехина И.В.:

Я постараюсь не очень долго занимать внимание уважаемой публики и предлагаю вам смотреть немного сверху, в целом на то, свидетелями чего мы с вами сейчас были. Я постараюсь некоторые связи между прослушанными докладами установить и попытаюсь, в свою очередь, связать их с тем названием, которое было анонсировано: «Город: практики, связи, эмоции». Локальность в текстах и дискурсах: фактически мы получили сейчас такой своеобразный срез того, как антропологически и социологически в основном ориентированное знание о городе, на какие понятия оно опирается. Как в антропологии лет 30 назад основным понятием была «культура», то теперь в центре другие вещи: термин «идентичность» у нас здесь употреблялся неоднократно: на материале исследований дискурсов в интернете сибирская идентичность анализировалась; самосознание горожан норильской диаспоры; визуальные репрезентации как бы одного и того же города чрезвычайно интересным образом трансформировались через, например, геральдику (я был впечатлен этим сюжетом). Очевидно, здесь прослеживается связь с только что прослушанным докладом: геральдика реализует

(я не хочу повторять это слово) политику (?). Но тем не менее, то что выглядит как некая циничная манипуляция самосознанием и внешних презентаций города, на самом деле, наверное, могло быть привязано к тому, что называют «стратегический план развития территории». Видимо за недостатком времени этот аспект, поскольку брендинг само по себе имеет помимо внешней очевидной цели еще и другую (?), но, во всяком случае, мы видим, что в геральдике кто-то реализует нечто подобное. Здесь интересный момент, который можно в качестве одного из выводов нашего сегодняшнего обсуждения предложить, что, когда мы говорим об идентичности, даже если не всегда оказывается, что там присутствует идентичность, а правильнее будет говорить «прообраз», как он складывается применительно к жителям разных городов и центров. Мы всегда должны делать поправку, отвечать на вопросы: «А кто субъект? Кто носитель этого образа? Кто источник? Кто предлагает нам этот дискурс?». Ведь сами эти установления существуют не в космосе, даже если мы считаем, что они растворены в некоем пространстве интернета, который рассматривается как один текст, кто-то же как-то их между собой сочетает, кто-то их как-то кластеризует между собой. Это как-то используется, и если оно есть, то есть зачем-то. К этим замечаниям примыкают те, что подчеркивают важность источников, как показывает наше сегодняшнее обсуждение. Мне бы хотелось подчеркнуть еще одну неочевидную связь между рассказом о художественных практиках в городе, где мы видим разговор об отношениях власти в городском пространстве: публичное пространство в городе представляет собой пространство медийное, у этого пространства есть свой режим, который тот контролирует. В Советском Союзе вспоминается постановление (помоему, года 1935-го) о запрещении носить значки неустановленного образца. Т.е. человек, даже надевший себе на грудь какое-нибудь неправильное слово, становится медийным объектом в публичном пространстве, что уж говорить о том, чтобы разрисовывать стены. Соответственно, этот медийный характер публичного пространства, когда контроль и власть пытается «оседлать» собственно изначально трансгрессивный характер стрит-арта. Меня интересует этот момент режима и контроля, который тоже не надо выпускать из вида. И (удивительным?) образом в рассказе об ольфакторном режиме, ольфакторном контроле мы фактически имеем дело тоже с некоторыми отношениями власти и контроля. Другое дело, что эта власть и контроль оказываются иллюзорными, и это что-то, что непосредственным образом связано с эмоциями и чувствами. Может быть, даже более непосредственно связано с эмоциями, чем, например, эмоциональное отношение к городской среде, которое можно попытаться иллюстрировать психологическими методами. Надо сказать, что антропология может работать с не очень ощутимыми вещами, такими, например, как воображение. И я хотел бы сказать Елене Трубиной спасибо, в своей презентации она позволила «вообразить», каким образом мы

можем говорить о масштабах, (?) как о неких целях воображения. [...] Видите, это напряжение между локальным и глобальным, между идентичностью и образами, между отношениями, так сказать, самодеятельности и имитации через контроль – эти линии я бы выделил в качестве ключевых из того, что мы сегодня услышали. Спасибо всем, кто выступил!